

University of Groningen

Рецензия на книгу Светланы Бойм "Будущее ностальгии"

Robbe, Ksenia

Published in:

Laboratorium: Russian Review of Social Research

DOI:

[10.25285/2078-1938-2020-12-2-258-264](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-258-264)

IMPORTANT NOTE: You are advised to consult the publisher's version (publisher's PDF) if you wish to cite from it. Please check the document version below.

Document Version

Publisher's PDF, also known as Version of record

Publication date:

2020

[Link to publication in University of Groningen/UMCG research database](#)

Citation for published version (APA):

Robbe, K. (2020). Рецензия на книгу Светланы Бойм "Будущее ностальгии". *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(2), 258-264. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-258-264>

Copyright

Other than for strictly personal use, it is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

The publication may also be distributed here under the terms of Article 25fa of the Dutch Copyright Act, indicated by the "Taverne" license. More information can be found on the University of Groningen website: <https://www.rug.nl/library/open-access/self-archiving-pure/taverne-amendment>.

Take-down policy

If you believe that this document breaches copyright please contact us providing details, and we will remove access to the work immediately and investigate your claim.

Downloaded from the University of Groningen/UMCG research database (Pure): <http://www.rug.nl/research/portal>. For technical reasons the number of authors shown on this cover page is limited to 10 maximum.

Ксения Роббе

Светлана Бойм. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с. ISBN 978-5-4448-1130-6.

Ксения Роббе, департамент европейской литературы и культуры, Университет Гронингена (Нидерланды). Адрес для переписки: Faculty of Arts, Department of European Literature and Culture, Oude Kijk in 't Jatstraat 26, 9712 EK Groningen, Netherlands. k.robbe@rug.nl.

«Будущее ностальгии» Светланы Бойм¹ – одна из самых известных работ в области исследований памяти, оказавшая со времени ее публикации в 2001 году огромное влияние на изучение форм и практик переживания и выражения тоски, желания вернуть прошлое (или вернуться в него) и ощущения неадекватности настоящего. Написанная на английском языке и получившая признание во всем мире, книга «вернулась» к российскому читателю в переводе Александра Стругача только в прошлом году. С чем бы ни была связана такая задержка (во многом отражающая логику глобального неравенства языков), доступность этой книги широкой русскоязычной публике – важное событие, которое в то же время требует осмысления значимости исследований ностальгии сегодня и вопросов, которые они могут вызывать.

«Будущее ностальгии» – далеко не первая монография о ностальгии; она вообрала в себя и переработала исследования о времени и ностальгической оглядке на прошлое в эпоху модерна Райнхарта Козеллека (Koselleck 2004), Андреаса Хейссена (Huysen 1995), Питера Фрицше (Fritzsche 2002), Сьюзан Стюарт (Stuart 1993) и других ученых. Вместе с тем она породила еще большее количество работ об этом противоречивом явлении и стала одной из концептуальных основ целого поля исследований. Оценивая ту работу, которую книга Бойм проделала в плане оформления этого поля, следует отметить два главных аспекта: во-первых, существенное нюансирование понятия ностальгии на основании объяснения двойственности этого явления (ностальгия может как «отключать», так и «включать» добавочную рефлексию) и рассмотрения ностальгии как исторической и социальной эмоции, фундаментальной для времени модерна; во-вторых, транскультурный взгляд на ностальгию, который включает разбор процессов в посткоммунистических обществах Восточной Европы и в то же время представляет в новой перспек-

---

¹ Светлана Бойм (1959–2015) – филолог, писатель, медиахудожник и теоретик искусства. В течение многих лет была профессором славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета. Автор четырех монографий («Death in Quotation Marks: Cultural Myths of the Modern Poet», 1991; «Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia», 1994; «The Future of Nostalgia», 2001; «Another Freedom: The Alternative History of an Idea», 2010) и множества статей по литературе и культуре. Как художник Бойм принимала участие в международных выставках и выступила куратором выставок «Территории террора: воспоминания и мифология ГУЛАГа в современном искусстве» (Бостон, 2006) и «Offmodern: руины будущего» (Московская биеннале, 2013).

тиве вопросы памяти в контексте миграции и диаспоры и разрабатывает понятия, применимые во множестве контекстов, особенно в ситуациях «перехода». В рецензии я остановлюсь на этих двух взаимосвязанных аспектах и через них рассмотрю существующую критику и актуальность подхода, выработанного Бойм.

В целом подход Бойм можно описать как поиск «общей картины», которая может сложиться из своеобразных и независимых частей и раскрыть связи между ними. Попытка сложить такую картину в рамках одной книги усилиями одного автора неизбежно влечет за собой неточности и огрехи (за что Бойм не раз доставалось от критиков). Однако при рассмотрении формы и метода исследования оказывается, что автор не преследует цели определить раз и навсегда, в чем суть ностальгии и создать законченную теорию этого явления. Скорее этот метод можно понять как попытку открыть боковое зрение, через детали нащупать контуры общего, которые дальше могут послужить основанием для диалога. Эта радикальная открытость – характеристика академического письма исследовательницы как такового, и, возможно, именно эта не-замкнутость способствовала тому, что авторы, изучающие самые разные периоды и культуры, смогли легко «подключиться» к пониманию и анализу ностальгии как двигателя для воображения будущего, которое отлично от настоящего или недавнего прошлого.

Первая, теоретическая, часть книги («Ипохондрия сердца: ностальгия, история и память») посвящена рассмотрению ностальгии как феномена мировой культуры (а не, как часто представляется, восточноевропейской посткоммунистической «болезни») и ровесницы модерна. Неслучайно понятие «ностальгия» возникло в конце XVII века вслед за исследованием врача Иоганна Хофера, посвященном явлению тоски, которая поражала швейцарских солдат и студентов, служивших или учившихся вдали от родины. Важным выводом изучения этих случаев стало то, что само по себе возвращение на родину не всегда вело к излечению. Таким образом, ностальгия – не столько желание вернуться домой, сколько тоска по другим временам (с. 18) или, в более широком смысле — по другому времени, отличному от времени линейного прогресса и акселерации. Используя терминологию Козеллека (Koselleck 2004), Бойм связывает «эпидемию» ностальгии последних десятилетий с сокращением «пространства опыта» вследствие глобализации и дигитализации; чем меньше «горизонт ожиданий» связан с опытом, тем больше желание установить – вообразить – подобную связь (с. 44). В периоды, следующие за революциями и большими потрясениями, такое желание, как правило, усиливается и поддерживает, с одной стороны, техники выживания, а с другой – проекты «возрождения» незаслуженно забытого прошлого.

Из этих двойственных реакций на разрушение привычного мира (а на необходимости периодического разрушения политического порядка и возведении нового и строится проект модерна) вытекает двуликость ностальгии. Бойм описывает эти две вариации ностальгии как «реставрирующую» и «рефлексирующую». «Реставрирующая» основана на идеях возвращения к истокам и в крайних проявлениях включает в себя теорию заговора. Желающие восстановить разрушенное прошлое воспринимают идею общего «дома» и возвращения в него буквально и всерьез, что неизменно приводит к необходимости защищать святыни дома от

врагов. Подобную идеологию, как известно, исповедуют правые организации различного толка, но в более мягких вариантах реставрирующая ностальгия встречается во множестве хорошо знакомых политических и культурных проектов от фильмов Никиты Михалкова и Константина Эрнста до празднований Дня Победы. Такое описание в целом соответствует общеизвестному представлению о том, что такое ностальгия.

В то же время, как демонстрируют множественные примеры из литературы, искусства, культурных проектов и повседневности, анализируемые Бойм, существуют модальности ностальгии, которые выражают тоску не «по идеальному прошлому, а по настоящему совершенному времени и его упущенному потенциалу» (с. 64) или по тому, как будущее воображалось в прошлом и как оно, актуализируясь в воспоминаниях, влияет на образы будущего сегодня. «Рефлексирующая» ностальгия медитирует об идеальном доме, осознавая при этом, что такое «общее место» – плод воображения (несмотря на воображаемость топоса ностальгии, тоска по нему реальна, так же, как и те поступки и проекты, которые осуществляются под ее воздействием).

Генеалогия этого вида ностальгии ведет исследовательницу к литературе и философии модернизма, от Шарля Бодлера и Фридриха Ницше до Вальтера Беньямина и Виктора Шкловского; от них протягивается нить к писателям-изгнанникам середины и второй половины XX века, Владимиру Набокову и Иосифу Бродскому, которым посвящена третья часть книги – «Изгнанники и воображаемые родины». Объединяет этих писателей их принадлежность модернизму в сочетании с критикой линейного времени модерна. На основании анализа их текстов Бойм предлагает понятие *офф-модернизма* – особой традиции искусства и мироощущения, которая не отказывается полностью от идей модерна, но воплощает собой критику, в первую очередь – идеи прогресса. Ностальгия как характеристика этой традиции письма, с одной стороны, «базируется на модернистской концепции, утверждающей неповторимость и необратимость времени» (с. 50), но с другой стороны, создает «гибриды прошлого и настоящего», и таким образом противостоит телеологии модерна (с. 83).

Развитие понимания ностальгии как тенденции *внутри* модерна, которая стала особенно явно актуализироваться в позднемодернистской культуре, – одно из бесспорных достижений книги, которая с присущей Бойм элегантною стили разворачивает аргумент в различных контекстах: от анализа литературы до «чтения» городских пространств и размышлений над воспоминаниями о «доме» – своих собственных и других эмигрантов. Подводя итог и открывая перспективу в «будущее ностальгии», автор рассуждает о спаянности желания остановить бег времени с технологизацией – ведь в основе обоих лежит медиация (с. 655). Как и в развитии коммуникационных технологий, ведущую роль в чувстве ностальгии играет поиск адресата (с. 40); но в последнем случае мотивация, цели и практики общения будут сильно отличаться от общения с целью сэкономить время.

Наряду с наблюдениями о роли ностальгии в двойственном характере модернизма и модерна Бойм смогла предложить методологию исследования этой исторической эмоции, которая применима далеко за пределами областей знания, о

которых идет речь в книге. Свидетельство транскультурной актуальности предложенных понятий – множество работ по изучению ностальгии, использующих термины «реставрирующая» и «рефлексирующая» в отношении процессов в самых разных (со)обществах. Среди многочисленных примеров – исследования практик памяти/забвения в турецкой части Кипра (Bryant 2014), среди фермеров в аргентинских Андах (Angé 2018), у жителей тауншипов ЮАР (Dlamini 2009) или в Великобритании времен Брежнев (Campanella and Dassú 2019). Как отмечает сама исследовательница, «грамматика романтизирующих видов ностальгии по всему миру очень похожа», но стремление к уникальности не дает установить диалог: «ностальгики», как правило, не признают, что их тоска похожа на тоску других, тем более людей других культур (с. 50). Создание аналитической рамки, в которой возможно сопоставление разных практик ностальгии, в сочетании с применением этого метода на материалах определенных культурных локальностей конца XX века делает эту книгу важным ориентиром для сравнительных и трансрегиональных исследований.

Даже близкое рассмотрение «посткоммунистической ностальгии», часто упрощенно понимаемой как региональный феномен, подчеркивает ее множественность, динамику и глобальную актуальность. В наибольшей степени этим вопросам посвящена вторая часть «Города и пере-выдуманные традиции», в которой автор совершает мысленное путешествие по городам Восточной Европы, ставшим ареной посткоммунистических трансформаций, – Москве, Санкт-Петербургу, Берлину, Праге и Любляне (последние два рассмотрены скорее мельком). Несмотря на многочисленные генерализации и неточности в описании в этой главе с ее внушительным охватом, тенденции, иногда лишь намеченные, создают почву для дальнейших исследований многовекторных связей политики и ностальгии.

Одним из интересных наблюдений здесь является тезис о роли рефлексирующей ностальгии в контр-памяти интеллигенции 1960–1980-х годов, которая была способом наладить связь с временами и способами отношения с прошлым, оказавшимися под цензурой. Более того, по мнению исследовательницы, бум ностальгической памяти в годы перестройки сыграл прямую политическую роль в событиях 1991 года, но к концу 1990-х «деидеологизированное обращение с историей стало привычным» и привело к принятию национального прошлого, то есть рефлексирующая ностальгия переродилась в реставрирующую (с. 151). Подобный процесс прослеживается и в странах Восточного блока, где до 1990-х годов ностальгия по Европе была формой сопротивления советской версии официального интернационализма и национализма (с. 429) и, согласно анализу Бойм, обладала чертами (само)рефлексии и дистанцирования от мифов; после падения режима она перекодировалась в традиционалистскую «пасторальную мечту» о «настоящей» Европе, распространившуюся сегодня и на запад континента. Таким образом, логика процессов, происходивших два десятилетия назад в Восточной Европе, может быть актуальной в анализе «ретротопий» (Bauman 2017) далеко за пределами региона.

Вместе с тем интерпретация функций ностальгии, в этой главе и книге в целом, оставляет некоторые вопросы. Автор убедительно показывает, как носталь-

гия может становиться политическим инструментом (именно благодаря своей кажущейся аполитичности), но в то же время – в отношении всех рассмотренных проектов в городских пространствах – указывает на деполитизированный характер рефлексирующей ностальгии (с. 194, 241, 471). Значит ли это, что подобные модальности ностальгии если и могут играть политическую роль (как это было, возможно, в 1989–1991 годах), то лишь кратковременно, непоследовательно и без шанса на созидание? Как таковой вопрос о политическом в книге не задается, а рассмотрение эффектов ностальгии в третьей части переводится в область этического. Такая рамка в свою очередь вызывает вопрос о продолжении автором той традиции интеллигентской критики, которую она анализирует.

Другим аспектом критики исследования стала двоичная модель анализа ностальгии у Бойм. Хотя исследовательница повторно отмечает, что она рассматривает феномен ностальгии как динамический и неоднородный, формулирование двух «типов» ностальгии и последовательное оформление анализа практик в городских пространствах как представляющих тот или другой тип вызывают эффект бинарного представления о ностальгии. Именно в таком ключе многие исследования ссылаются на концепцию Бойм, не вдаваясь в тонкости ее анализа. Критику воспроизводства «двух ностальгий» очень точно сформулировали в своей статье Майя Надкарни и Ольга Шевченко (Nadkarni and Shevchenko 2004), предложив более учитывающий контекст и гибкий сравнительный анализ практик ностальгии в России и Венгрии. Последующие теоретические и контекстуальные исследования также уделяют особое внимание аспектам процессуальности, перформативности и изменчивости ностальгии (Boele, Noordenbos, and Robbe 2019; Pickering and Keightly 2006; Todorova 2010).

В наибольшей степени Бойм удается показать текучесть и подвижность ностальгии в третьей части, рассматривающей литературные тексты (Набоков, Бродский) и произведения визуального искусства (Илья Кабаков). Понятие диаспорической близости, разрабатываемое здесь и понимаемое как эффект ностальгии, как нельзя лучше передает этико-эстетическую особенность произведений этих российско-американских, или скорее транснациональных, авторов. Диаспорическая близость возникает как результат воплощения транскультурного сознания и как общность на основании не-принадлежности (с. 487) к одной или нескольким отдельным культурам. Она включает в себя открытость миру, антиутопическое сознание и культурную близость, противоположную глобальной культуре, как отмечает автор (с. 490) – все, что складывается в представление о космополитизме (однако этого термина Бойм избегает). Эта перспектива выявляется через фигуру двойного агента у Набокова, тропа фрагмента/руины у Бродского и образа мухи (как метафоры антиапокалиптического выживания) у Кабакова. В одной из глав литературно-критическая перспектива дополняется антропологическим взглядом на иммигрантские сувениры, которые, как тексты и инсталляции, рассказывают истории о (культурном) выживании в изгнании. Ностальгия в этих интерпретациях дает возможность диалога с другим не как просто с «представителем иной культуры» (с. 640); такой транскультурный взгляд на диаспору был важной тенденцией того времени, когда была написана книга. Новизна подхода (в чем-то и

для современных исследований литературы и искусства) заключается в сведении в одном поле текстов ведущих писателей XX века и повседневных практик «обыкновенных» эмигрантов.

Больше сложностей возникает при рассмотрении этики ностальгии, которой посвящена последняя глава этой части. В то время как политика в современный период, по логике интерпретации, связывается лишь с реставрирующими формами ностальгии, за рефлексирующими закрепляются этические аспекты. Более того, этическое интерпретируется как существующее в эстетически сложных стилях и структурах; так, отвращение Набокова к банальности и сентиментальности прочитывается как освобождающее его (или чьи-либо) тексты от проблематичных тенденций, которые сопутствуют реставрирующей ностальгии (с. 643–647). Маленький сдвиг остранения, лежащий в основе иронии и двоемыслия, действительно прекрасно описывает ностальгию как двойственный феномен, как одновременно яд и лекарство. Но является ли «извилистый синтаксис» (с. 649) гарантией *этической* рефлексивности? Может ли «простой стиль» играть такую роль? И могут ли разные стили сдвигать рамки восприятия различными способами? Подобный вопрос можно было бы задать в отношении «привилегированного» статуса города в выявлении рефлексирующей ностальгии, который предстает как «идеальный перекресток между продолжением и отстранением, памятью и свободой, ностальгией и современностью» (с. 167). Значит ли это, что в негородских (или не-космополитичных) пространствах обитает только реставрирующая ностальгия?

Эти возможные вопросы вовсе не уменьшают значимости книги, а скорее открывают пространство для будущих критических исследований ностальгии. Помимо академического интереса к этому предмету, перевод книги – сделанный, что немаловажно, превосходно с точки зрения языка, с уточнением и комментариями ко многим деталям (в сносках) – можно надеяться, откроет более тонкий взгляд на ностальгию для широкой аудитории читателей. Во времена, когда «у нас может быть куда больше частного пространства (если нам повезет), но все меньше и меньше времени, а следовательно и меньше терпения к культурным различиям в понимании времени» (с. 665), прочтение ностальгии как возможности остановиться и переосмыслить то, как мы смотрим на мир, на «других» и себя самих, может быть весьма актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Angé, Olivia. 2018. *Barter and Social Regeneration in the Argentinian Andes*. New York: Berghahn.
- Bauman, Zygmunt. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press.
- Boele, Otto, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe. 2019. "Introduction. The Many Practices of Post-Soviet Nostalgia: Affect, Appropriation, Contestation." Pp. 1–17 in *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*, ed. by Otto Boele, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe. New York: Routledge.
- Bryant, Rebecca. 2014. "Nostalgia and the Discovery of Loss: Essentializing the Turkish Cypriot Past." Pp. 155–177 in *Anthropology and Nostalgia*, ed. by Olivia Angé and David Berliner. New York: Berghahn.
- Campanella, Edoardo, and Marta Dassú. 2019. *AngloNostalgia: The Politics of Emotion in a Fractured West*. Oxford: Oxford University Press.
- Dlamini, Jacob. 2009. *Native Nostalgia*. Auckland Park, South Africa: Jacana Media.

- Fritzsche, Peter. 2002. "How Nostalgia Narrates Modernity." Pp. 62–85 in *The Work of Memory: New Directions in the Study of German Society and Culture*, ed. by Alon Confino and Peter Fritzsche. Urbana: University of Illinois Press.
- Huyssen, Andreas. 1995. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York: Routledge.
- Koselleck, Reinhart. 2004. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.
- Nadkarni, Maja, and Olga Shevchenko. 2004. "The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices." *Ab Imperio* 2:487–519.
- Pickering, Michael, and Emily Keightley. 2006. "The Modalities of Nostalgia." *Current Sociology* 54(6):919–941.
- Stuart, Susan. 1993. *On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. Durham, NC: Duke University Press.
- Todorova, Maria. 2010. "Introduction: From Utopia to Propaganda and Back." Pp. 1–13 in *Post-Communist Nostalgia*, ed. by Maria Todorova and Zsuzsa Gille. New York: Berghahn Books.